

Образ сибирского города в германском травелоге XIX века (по страницам «Путешествия в Западную Сибирь» Отто Финша)

В работе рассматривается образ сибирского города XIX в. как событийный феномен, формирующийся в повествовательном пространстве травелога. Из множества описаний сибирских городов, имеющих место в травелоге «Путешествие в Западную Сибирь», избрано описание города Барнаула, представленное в главе X «Отъ Алтайской станции до Томска». В списке основных событий путешествия по Западной Сибири рассматривается объект воображаемой географии «Барнаул». В травелоге Финша объект воображаемой географии предстает в ментальном дискурсе читателя в виде сюжета, линейное развитие которого строится на основе чередования историй, качеств жителей города, городских достопримечательностей. Анализ позволяет выявить удобную для европейского созерцателя модель-формулу его нарративного погружения в изображаемый западносибирский ландшафт, что позволяет читателю вообразить себя участником события и почувствовать потребность стать участником события, «разместить себя» в повествовании и таким образом реализовать не востребованные в жизни возможности. Для выявления особенностей формирования в германском травелоге XIX в. знания концептуального уровня целесообразным оказывается обращение к идеям литературной географии, рассматривающей нарратив как форму картографирования, организующую жизненные данные в узнаваемые шаблоны, помогающие читателю или писателю разобраться в системе связей, частью которых он становится в нарративе жизни. Синтез приемов нарративного, структурного анализа, идей литературной и имажинальной географии, когнитивно-структурного подхода к анализу события позволяет авторам определить специфику европейского травелога XIX в.

Ключевые слова: германский травелог XIX века, Отто Финш, имажинальная география, референтное событие, нарратив, концептуальная картина мира, жизненный мир, Барнаул.

The article considers the image of the Siberian city of the 19 century as an event phenomenon that is formed in the narrative space of travelogue. From the many descriptions of Siberian cities that take place in the travelogue "Journey to Western Siberia", the description of the city of Barnaul is selected, presented in chapter X "From the Altai village to Tomsk". In the list of the main events of the trip to Western Siberia, the object of the imaginary geography "Barnaul" is considered. In Finsch's travelogue, the object of imaginary geography appears in the reader's mental discourse in the form of a plot, the linear development of which is based on the alternation of stories, qualities of city residents, city attractions. The analysis makes it possible to identify a model that is convenient for the European contemplator—the formula of his narrative immersion in the depicted Western Siberian landscape, which allows the reader to imagine himself as a participant in the event and experience the need to become a participant in the event and "place himself" in the narrative and thus realize opportunities that are not in demand in life. To identify the features of the formation of conceptual level knowledge in the German travelogue of the 19 century, it is useful to turn to the ideas of literary geography, which considers the narrative as a form of mapping, organizing vital data into recognizable patterns that help both the viewer and the reader or writer to understand the system of connections, of which he becomes a part in the narrative of life. The synthesis of narrative analysis techniques, structural analysis, ideas of literary and imaginative geography, cognitive-structural approach to event analysis allows the authors to determine the specifics of the European travelogue of the 19 century.

Keywords: German travelogue 19, Otto Finsch, imaginative geography, reference event, narrative, conceptual picture of the world, life world, Barnaul.

Европейская литература о путешествиях оказала огромное влияние на распространение знаний об остальном мире [1. Р. 1–16]; этому способствовали журналы, охотно печатавшие рассказы о путешествиях целиком, в виде отрывков или в качестве рецензий, руководствуясь не только идеей распространения знаний, но и стремлением расширить свою читательскую аудиторию [2]. С точки зрения накопления и распространения знаний травелоги представляются результатом процесса, отражающего личные и политические интересы. Стремление ко всеобъемлющим путешествиям, служащим науке, историческим исследованиям или составлению карт колониальных империй превращает акт путешествия и написание путевых заметок в особого рода занятие [3].

Травелогии выполняют функцию опосредования знаний, передаваемых через тексты и людей, создавая сети для распространения знаний как на материальном, так и на концептуальном уровнях. К такому выводу приходят Лют Миссине, Элисон Мартин, Беатрикс ван Дам, исследуя травелог в германской и немецкой истории региональных путешествий и передвижений [1. Р. 1–16].

Объект настоящего исследования — германский травелог «Путешествие в Западную Сибирь» Отто Финша. Книга состоит из 14 глав («Через Уралъ», «По Ишимской степи», «Вдоль Иртышской линии», «Семипалатинск и Аркатскія горы», «На Сассыкъ Ала-Куль», «Киргизы», «Въ Джунгарскомъ Ала-Тау», «Черезъ Тарбагатай и Норъ-Зайсанъ», «Въ китайскомъ Алтаѣ», «Отъ Алтайской станицы до Томска», «На Оби (отъ Томска до Обдорска)», «Черезъ тундры (Отъ Обдорска до Карской губы и обратно)», «Остяки и Самоѣды», «Обратный путь (От Обдорска до Бремена)»), которые не только представляют читателю «карту» путешествия автора и его соратников, но и становятся разделами воображаемой, или имагинальной, географии читателя, позволяющей создать образы российских мест, в которых можно оказаться, используя силу воображения. В «Оксфордском справочнике» (Oxford Reference) имагинальные географии рассматриваются как нечто, отражающее предубеждения и желания их создателей, силы взаимодействия и притяжения, которые существуют между авторами и объектами их воображения [4]. Одна из форм создания имагинальной географии — травелог. Травелогии становятся отправной точкой «топологического» поворота в формировании европейского «путевого» искусства созерцания мира в движении его форм при перемещении взгляда с одного объекта восприятия на другой. «Охота к перемене мест / (Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест)» (А.С. Пушкин) влечет за собой расширение горизонтов сознания и оформление иной феноменологии пространства. «Пространство возникает из движения — воображаемого, мысленного, метафизического, физического» [5].

Путевые заметки (travel writing) способствовали культурному и интеллектуальному обмену в голландско- и немецкоязычных регионах с конца XVIII в. и до первой трети XX в. [3]. Авторы научной коллекции рассматривают способы трансляции знаний о других территориях и населяющих их людях с транснациональной и транскультурной точек зрения / позиции. Подчеркивается значимость текстуальности в литературе о путешествиях, также позиционирование собственной точки зрения в индивидуальном историческом и политическом окружении.

Что касается XIX в., то европейские путешествия и путевые заметки, несомненно, результат глубоких изменений, которые повлияли на материальные условия путешествий, участников и пункты назначения, а также на способы освещения этих путешествий как по форме, так и по содержанию [1]. Николас Битс основное внимание уделяет различным контекстам путешествий в XIX в., которые превратили их в разнообразную деятельность, начиная от массового туризма и заканчивая научными исследованиями и элитным образовательным туром, или Bildungsreise [6. Р. 167–186]. Тим Янгс обращает внимание на то, что мотивация к путешествиям происходила от необходимости заполнить «пробелы» в знаниях людей о мире, хотя представление о том, что такое «пробел» [7], определялось событиями жизни самого путешественника.

Динамика ландшафтных образов в повествовании формирует пространственные системы, задающие собственно ритм изменения самого географического пространства в соответствии с внутренними установками реального или поэтического путешествия. Множественность подобных пространств выступает условием путешествия и возможности существования-актуализации пути. К интересному наблюдению приходит И.Т. Касавин: под «давлением» прокладываемого пути пространства меняют свои образы, меняются роль и значение этих пространств в человеческой жизни, изменяется реальный ландшафт человеческого мира, возникает постоянно расширяющееся единое поле географических образов, находящихся в различных стадиях становления [8. С. 75–77].

В описании физического пространства, создаваемого О. Финшем в главе X «Отъ Алтайской станицы до Томска», моделируется «пространство значений» города Барнаула по «нормам»

литературной географии, изучающей, каким образом ландшафт изменяет восприятие персонажей, способствуя новому прочтению и новой оценке как текстов, представляющих ландшафты, так и собственно самих ландшафтов [9. С. 115–124]. Появление черт повествования, характерных для литературной географии, оказывается вполне закономерным, поскольку в качестве главной цели своего нарратива О. Финш видит изменение представлений европейцев о Западной Сибири и людях, ее населяющих.

Как считает Роберт Тэлли, нарратив сам по себе является формой картографирования, которая организует «жизненные данные в узнаваемые шаблоны с пониманием того, что результатом является вымысел, простое представление пространства и местопребывания, функция которого состоит в том, чтобы помочь зрителю или картографу, как и читателю или писателю, разобраться в мире» [10]. Нарратив картографичен, поэтому имеет смысл говорить о «литературной картографии»: карты предполагают нарративы, которые могут, в свою очередь, функционировать как карты [11].

В списке основных событий путешествия по Западной Сибири, представленных в главе «Отъ Алтайской станицы до Томска», событие — объект воображаемой географии — «Барнаул» у О. Финша обретает форму сюжета, линейное развитие которого представлено в виде сменяющих друг друга номинаций историй, качеств жителей города и его достопримечательностей:

Прибытие въ Барнаулъ. — Охота на бекасовъ. — Бѣлый журавль. — Фонь Эйхвальдь. — Гостеприимство. — Докторъ Думбергъ и его гербарій. — Музей. — Фабрики. — Городъ. — Жизнь. — Цѣны. — Вина. — Ночлежь. — Императорскія владѣнія на Алтаѣ. — Возвращеніе съ рудниковъ. — Неизсякаемость рудниковъ. — Отъѣздъ.

Это, с одной стороны, своего рода модель когнитивной репрезентации события, соединяющая личный опыт восприятия события с его восприятием в иных контекстах, построенных другими нарраторами. С другой стороны, это формула вовлечения читателя в развитие «сюжетной линии», что позволяет ему вообразить себя участником события и почувствовать потребность стать одним из них, «чтобы реализовать не востребованные в жизни возможности», став одним из игроков в ролевой игре повествования [12. С. 21–49].

Согласно позиции Ю.М. Лотмана, событие может реализовываться как иерархия событий более частных планов, как цепь событий, т.е. сюжет: «...то, что на уровне текста культуры представляет собой одно событие, в том или ином реальном тексте может быть развернуто в сюжет» [13. С. 224]. Структура события, как считает Ю.М. Лотман, включает в себя три элемента: топос (некое пространство, определяющее расстановку персонажей в художественном мире); семантическую границу (делит топос текста на комплементарные подпространства); подвижного персонажа, совершающего действие, направленное на пересечение этой семантической границы. И собственно событием в концепции Ю.М. Лотмана признается перемещение персонажа через границу семантического поля. Событие невозможно не заметить, утверждает Н.Д. Арутюнова: «Это вежа, а иногда и поворотный пункт на жизненном пути. Это зарубка на шкале жизненных уровней, отмечающая высоту взлета или глубину падения» [14. С. 494].

Мы будем анализировать нарративный дискурс «Путешествия...», используя понятие референтного события, обладающего тройкой локализацией:

- общественной, определяющей систему отношений, в которую оно входит;
- временной;
- реально-пространственной [15].

Выделенные локализации согласуются со структурными элементами события, рассматриваемыми Ю.М. Лотманом: топос — временная локализация, семантическая граница — общественная локализация, подвижный персонаж — пространственная граница.

Барнаул для автора «Путешествия...» становится особой точкой эмоционального притяжения, местом, определяющим «внутреннюю форму» путешествия по Западной Сибири. Очевидных причин тому две: Барнаул представляет собой, по заключению О. Финша, главный центр

умственной жизни Сибири (что неудивительно при присутствии значительного количества горных чиновников); определенный образ этого города, созданный учеными немецкого происхождения с мировым именем П.С. Паласом, К.Ф. Ледебуром, А. фон Гумбольдтом, сделал очевидным желание «воочию» с ним познакомиться.

А. фон Гумбольдт, прибывший в Россию по приглашению Николая I в 1829 г. с целью геологического обследования Урала и Алтая, посещает и Барнаул. Впечатления о посещении всемирно известным ученым Барнаула получили отражение в статье Ермолова, адъютанта западно-сибирского генерал-губернатора И.А. Вельяминова, «Переезды с Александром Гумбольдтом» (1829), опубликованной в 1865 г. в сборнике «Русский архив», выходившем в Москве (издатель-редактор П.И. Бартенева):

На другой день мы и все здесь горные чиновники обедали у Фролова и пили здоровье барона, после чего хозяин показывал нам китайский кабинет свой: стены и мебель обиты прекрасною китайскою материей, вроде штофа, на полах разостланы ковры, коих узоры и разнообразие цветов в полной силе выражали вкус сего народа. Несколько шкафов, в коих заключалось, мне кажется, все, что можно было найти любопытного в сем роде даже и в самом Пекине: идолы, куклы, оружие, всевозможная утварь домашнего хозяйства, костюмы, разного рода картины, астрономические и географические карты, множество книг и рукописей ман[ьч]журского и монгольского языков и проч., проч. наполняли сию прелестную коллекцию. Одним словом, деятельный ум и вкус [господи]на Фролова встречаешь на каждом шагу в Барнауле [16].

Достаточно насыщенное описание Ермоловым посещения А. фон Гумбольдтом дома томского губернатора (1822–1830), горного инженера, изобретателя, организатора горнозаводского производства на Алтае Петра Козьмича Фролова превращает его в веху, некоторый поворотный пункт, т.е. в событие, меняющее представление европейца об этой части земли и о людях, ее возделывающих, в том числе силой разума. Событийный нарратив Ермолова, характеризующий топоним и семантическую границу события, оставляет переменную позицию пространственную — подвижного персонажа. В этой «вакантной» роли может себя попробовать и путешественник, отправившись в реальное путешествие, о сложностях которого в начале главы X сообщает Отто Финш, и читатель, вооружившись своим опытом тщательного прочтения травелогов и знаниями в области имагинальной и литературной географии.

Первое упоминание о Барнауле в «Путешествии по Западной Сибири» появляется в начале главы X при представлении читателю Алтайской станицы, расположенной у самой подошвы великого Алтая, в прелестной романтической долине Бухтармы, через сеть городов, уже известных в германской имагинальной географии благодаря составленным исследователями и путешественниками описаниям этой земли: *ближайшая станция железной дороги — Екатеринбург, до которой можно добраться двумя путями: по тракту Тюмень — Семипалатинск в тарантасе (тройкой) (315 нем. миль) в течение 9–15 дней (не считая остановок) или по гораздо более удобному пути Тюмень, Томск и Барнаул (около 550 нем. миль) в течение 14½ дней езды. Оказывается, «прекрасное сибирское далёко» действительно далеко в плане физической доступности, но гораздо ближе, если приступить к его познанию через создание чувственной формы, что вполне доступно благодаря имагинальной и литературной географии.*

По мере продвижения в направлении Барнаула появляются напоминания о главной цели прокладываемого, прежде всего ментального, пути. Видимо, воспоминаниям о Барнауле способствует посещение в Кольвани дома директора Ивана Александровича Злобина: *Кольвань, в отличие от одноименного ему уездного города (находящегося в верстах 200 на северо-запад от Барнаула), называемый также Кольванским заводом, или Кольванской фабрикой, лежит на высоте 1209 футов над уровнем моря, представляет очень красивое и приветливо выглядывающее горное местечко.*

Посещение дома И.А. Злобина «сюжетно» повторяет другое событие — посещение А. фон Гумбольдтом дома томского губернатора П.К. Фролова, но больше внимания привлекает не предметная насыщенность пространства, а натурфакт — *рог козули* — и то, где он был найден, что вновь становится поводом «перебросить виртуальный мост» в барнаульскую локацию:

В Барнауле граф Вальдбург приобрел рог, который имел 13 дюймов 8 линий вышины, 12 дюймов длины, и весил $7\frac{6}{10}$ фунта. По мнению Вальдбурга, подобные большие рога, встречающиеся и в наших музях, происходят не от европейского вида, а из Сибири.

Местоположение Колывани в отрогах Тигирецкого хребта делает обоснованным ее пространственное соположение с самой высокой точкой местности — Синей сопкой: *Мьстоположеніе Колывани дьйствительно красиво, благодаря окружающим ее гранитным горамъ, отчасти покрытым льсомъ; горы эти представляют отроги Тигирецкаго хребта, из вершин котораго особенно выдается Синяя сопка въ 6 верстах от Колывани; она имьеть, говорят, около 5000 футовъ высоты, но на нас, прибывших изъ области высокихъ горъ, она не произвела особеннаго впечатльнїя.* То, что с точки зрения живущего в Колывани является «высотой», своеобразным событием, не признается таковым европейцем-германцем — жителем «области высоких гор». Однако «высотой», «событием» признается Барнаул — место духовного объединения сибирской силы воли и германского рассудка, «нулевая верста / нулевая миля» Алтая: *Зато всь путешественники, приближающїеся къ Алтаю съ сьверозапада, со стороны Барнаула, съ восторгом упоминают о ней, какъ о первомъ предвьстникъ Алтая.*

Постепенно приближаемся с путешественниками к главному пункту назначения; станция Калмыцкая Мыва — красивая, большая деревня, лежащая недалеко от Чарыша. С красивого пейзажа, значимого для нарратива воображаемой и литературной географии, автор, усмотрев небрежность в перевозке руды, перемещает читателя и наблюдателя в производственно-аксиологический дискурс Западной Сибири. Главная ценность этого региона — в богатых ископаемых, руде: *Если принять въ расчете, что изъ 3 милліоновъ пудовъ руды, ежегодно переплавляемой на алтайскихъ заводахъ, около 600,000 пудовъ приходится на долю Барнаула, и что на каждый возъ нагружается не больше 20 пудовъ, то для перевозки этихъ однихъ 600,000 п. требуется не меньше 30,000 возовъ. Конечно, такой способъ перевозки возможенъ только въ странъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ лошадахъ и гдѣ содержаніе ихъ обходится очень дешево.* В этом описании открываются новые грани Барнаула: это горнодобывающий центр Российской империи, центр передовых технологий своего времени и город, открывающий иностранным путешественникам и исследователям Сибирскую Россию, с ее деятельным умом и вкусовыми пристрастиями.

После Калмыцкой Мывы на пути путешественников к Барнаулу возникает станция Безголосово, расположенная на берегу Алея, который описывается как *красивая река, окаймленная густыми высокими деревьями.* Далее на пути следования к Барнаулу появляется следующее поселение: *Достигнув Коламанки (Усть-Калманская станція), на рькъ того же имени, мы уже находились всего въ одной верстѣ отъ Оби, но увидали ее только послѣ трехъ четвертей часа пьзды отъ этой посльдней стациіи, около 6 ч. вечера. Въ одной изъ долинъ высокаго льваго берега мы увидали синеву величественной рькп, цль нашихъ стремленїй!*

*Ц*ель устремлений экспедиции О. Финша и его соратников, описанная в главе X «Отъ Алтайской станицы до Томска», — Барнаул; этот образ постоянно присутствовал в размышлениях путешественников и описании увиденного ими в пути. Любопытно, что приемы построения описания приближения к Барнаулу, используемые О. Финшем, сопоставимы с идеей «затрудненной формы, увеличивающей трудность и долготу восприятия» Виктора Шкловского. И в этом плане германский травелог О. Финша, основывающийся на желании автора создать способ переживания «деланья вещи», «деланья события», сопоставим с художественным текстом и становится частью литературной истории и литературной географии: *Съ приближенїемъ къ Барнаулу, степь все больше и больше исчезаетъ и смьняется холмистою мьстностью, кое-гдѣ поросшею небольшими льсками. Часамъ къ 10-ти мы миновали посльдній рядъ холмовъ и поьхали длинной улицей, похожей на деревню, — это было одно изъ предмьстїй Барнаула.*

По завершении барнаульского пути — достижении цели — семантическая граница события «фронтир» преобразуется в точку на карте — город, который находится достаточно далеко

от Европы, но в котором взаимодополняют друг друга две культуры: рассудочно-романтическая (германская) и сердечно-разумная (российская). Барнаул-событие — «зарубка на шкале жизненный уровень» [15]. Из локаций референтного события более значимой становится временная, что вполне закономерно, поскольку главной мерой пройденного пути является время, в соответствии с длительностью которого измеряется путь жизненный: *Если не считать поезда в Кольвань (50 верст), для которой пришлось сдать крюк, расстояние от Зминогогорска до Барнаула равно 289 вер. Мы проехали их в 25 часов, считая в том числе остановки и ломки осей, отнявшие у нас добрых часа четыре времени.*

В предисловии к «Путешествию в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма» [17] **Отто Финш**, немецкий этнолог, орнитолог, путешественник и исследователь, именем которого названы гавань и побережье в Папуа — Новой Гвинее, улицы в городах Валле и Брауншвейге, объясняет публикацию новой книги желанием распространить более правильный взгляд на благодатную во многих отношениях Западную Сибирь и на честных, добросовестных людей, в ней живущих, а также пробудить интерес к Западной Сибири во всех концах Германии. Наиболее приемлемой формой представления сибирского ландшафта избирается описание городов и особенностей передвижения от одного поселения к другому, наполненное впечатлениями от встреч с людьми, населяющими территории, и природой, формирующей их характеры и жизненный мир. Обязательным элементом создаваемого нарратива становится сравнение созерцаемого ландшафта с европейскими и мировыми «аналогами», что в соответствии с принципами имажинальной географии позволяет европейскому читателю первоначально встроить сибирские городские и природные ландшафты как события в свою воображаемую картину мира, а затем и внести их на карту своей концептуальной картины мира.

Литература/References

1. *Martin A.E., Van Dam B., Missinne L.* Introduction // *Travel writing in Dutch and German, 1790–1930. Modernity, Regionality, Mobility.* New York; London: Routledge: Taylor & Francis, 2017. 260 p.
2. *Smethurst P.* Introduction // *Travel writing, form and empire: The poetics and politics of mobility.* New York: Routledge, 2008. 266 p.
3. *Travel writing in Dutch and German, 1790–1930. Modernity, Regionality, Mobility.* New York; London: Routledge: Taylor & Francis, 2017. 260 p.
4. Oxford Reference. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780199599868.001.0001/acref-9780199599868-e-889;jsessionid=E9F401E9FB442FE62C14F6A4ED372E58> (10.02.2023).
5. *Замятин Д.Н.* Путешествие: пространство, образ, реальность // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований.* 2015. № 5–6. С. 64–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-prostranstvo-obraz-realnost> (24.01.2023).
6. *Zamyatin D.N.* Puteshestvie: prostranstvo, obraz, real'nost' // *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy.* 2015. No. 5–6. С. 64–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-prostranstvo-obraz-realnost> (24.01.2023).
7. *Beets N.* Camera Obscura van Hildebrand. Haarlem: Erven F. Bohn, 1839. 265 p.
8. *Youngs T.* The Cambridge introduction to travel writing. Cambridge University Press, 2013. 256 p.
9. *Касавин И.Т.* «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // *Вопросы философии.* 1997. № 7. С. 74–84.
10. *Kasavin I.T.* "Chelovek migriruiushchii": ontologiya puti i mestnosti // *Voprosy filosofii.* 1997. No. 7. С. 74–84.
11. *Rao E.* Mapping the imagination: Literary geography // *Literary Geographies.* 2017. No. 3 (2). P. 115–124.
12. *Tally R.T.Jr.* On literary cartography: Narrative as a spatially symbolic act // *New American Notes Online.* 2011. No. 1. URL: <https://nanocrit.com/issues/issue1/literary-cartography-narrative-spatially-symbolic-act> (10.02.2023).
13. *Tally R.T.Jr.* Literary cartographies: Spatiality, representation, and narrative. New York: Palgrave, 2014. 236 p.
14. *Глазунова О.И.* Сюжет в структуре художественного текста: принципы отображения и развития // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. Вып. 3. С. 29–41.
15. *Glazunova O.I.* Siuzhet v strukture khudozhestvennogo teksta: printsipy otobrazheniya i razvitiia // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Ser. 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2011. Vyp. 3. С. 29–41.
16. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // *Об искусстве / Ю.М. Лотман.* СПб., 1998. 285 с.
17. *Lotman Yu.M.* Struktura khudozhestvennogo teksta // *Ob iskusstve / Yu.M. Lotman.* St. Petersburg, 1998. 285 s.
18. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. 895 с.
19. *Arutyunova N.D.* Iazyk i mir cheloveka. Moscow, 1999. 895 s.
20. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
21. *Arutyunova N.D.* Tipy iazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt. Moscow: Nauka, 1988. 341 s.
22. *[Ермолов].* Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829): (современное частное письмо). URL: <http://elib.atlib.ru/images/files/gum002.pdf?ysclid=ldyghb5y3j128770415> (10.02.2023).

[Ermolov]. Pereezdy s Aleksandrom Gumboldtom po Sibiri (1829): (sovremennoe chastnoe pis'mo). URL: <http://elib.altlib.ru/images/files/gum002.pdf?ysclid=ldygbh5y3j128770415> (10.02.2023).

17. Путешествіе въ Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма: съ рисунками въ текстѣ. М.: Типографія М.Н. Лаврова и К^о, 1882. 590 с.

Puteshestvie v Zapadnuui Sibir' d-ra O. Finscha i A. Brema. S risunkami v tekste. Moscow: Tipografia M.N. Lavrova i K^o, 1882. 590 s.

Деминова Марина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики журналистики
Алтайский государственный университет

Deminova Marina A.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Theory and Practice of Journalism Department
Altai State University

e-mail: m.deminova@mail.ru

Халина Наталья Васильевна,
доктор филологических наук, профессор кафедры медиакоммуникаций,
технологий рекламы и связей с общественностью
Алтайский государственный университет

Khalina Natalya V.,
Doctor of Philology, Professor of the Media Communications,
Advertising Technologies and Public Relations Department
Altai State University

e-mail: nkhalina@yandex.ru

Янчевская Ксения Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций,
технологий рекламы и связей с общественностью
Алтайский государственный университет

Yanchevskaya Ksenia A.,
Candidate of Philology, Associate Professor of the of Media
Communications, Advertising Technologies and Public Relations
Department
Altai State University

e-mail: ksenia_yanshevskaya@mail.ru

